

ПОНЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ XVII ВЕКА И ПЕРЕВОДЫ С ЛАТЫНИ «БРИТАНИИ» УИЛЬЯМА КЕМДЕНА

© 2023

Журавлев А.В.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(г. Новосибирск, Российская Федерация)

Аннотация. Рассматривается эволюция понятия «революция» (revolution) в Англии XVII в. на примере использования этого слова при переводе с латыни важного исторического сочинения Уильяма Кемдена «Британия». Перевод этой работы на английский язык был выполнен дважды в течение XVII в. Сделанные в начале и конце столетия переводы Филемона Холланда и Эдмунда Гибсона позволяют проследить эволюцию употребления слова «революция» за этот период и, как следствие, изменение его значения в сторону приближения к современному понятию революции как значительного социально-политического переворота. Делается попытка объяснить, почему именно это слово стало обозначением одного из ключевых явлений Нового времени. Слово «революция» широко употреблялось в Англии в конце XVI – начале XVII вв. и служило для связи повседневных, мирских идей и образов с возвышенным, небесным планом, что обусловило возможность его секуляризации и использования в социально-политическом контексте. Черты именно этого процесса могут быть отмечены при анализе характера использования этого слова для передачи средствами английского языка различных идей и понятий исходного латинского текста.

Ключевые слова: революция; космологические воззрения; английский язык; латинский язык; перевод; Уильям Кемден; Филемон Холланд; Эдмунд Гибсон; Англия; XVII век.

THE CONCEPT OF REVOLUTION IN 17TH CENTURY ENGLAND AND TRANSLATIONS FROM LATIN OF WILLIAM CAMDEN'S «BRITANNIA»

© 2023

Zhuravlev A.V.

Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The article examines the evolution of the idea of the revolution in England in the 17th century. This evolution can be outlined in how the word 'revolution' was being employed in translating from Latin William Camden's 'Britannia'. Two translations done – one at the start and the other at the close of the century – allow tracing the semantic change that occurred in the usage of the word 'revolution' on the course of the century. This evolution changes the meaning of the word and pushes it closer to modern understanding of 'revolution' as an event of considerable social and political significance and change. An attempt is made to explain why exactly this word came to denote one of the key events of Modern history. The word 'revolution' was being widely used in England of the late sixteenth – early seventeenth century and served to connect everyday secular and mundane ideas and notions to heavenly, more elevated level. The character of the employment of the word provided for the possibility of its secularisation and direct social and political usage. Particular stages of this process are shown by the analysis of its role in the English translations of various concepts and ideas of original Latin text by William Camden.

Keywords: revolution; cosmological views; English; Latin; translation; William Camden; Philemon Holland; Edmund Gibson; England; 17th century.

Революция – одно из ключевых исторических понятий, описывающее события фундаментальной важности для эпохи Нового времени. Однако само явление революции в нашем сегодняшнем понимании возникает раньше, чем слово для его обозначения или понятие, концепция того, что такое революция. Вопрос о том, когда, как и почему слово «революция» стало обозначать соответствующее явление, до сих пор не получил однозначного разрешения, несмотря на довольно обширную историографию, посвященную данной проблеме. Большинство исследователей сходятся во мнении, что именно английские события XVII столетия внесли решающий вклад в становление понятия «революция» (Э.Э. Шульц [1, с. 88], В.А. Томсинов [2], Ж.-М. Гульмо [3, р. 443], П. Шоню [4], Ж.-П. Барде [5, р. 10]). Влияние английских событий на формирование концепции революции особенно подчеркивают французские историки, тогда как англоязычные исследователи скло-

няются к мысли о преимущественно романском, и особенно итальянском, происхождении термина. Вернон Сноу, например, приписывает заслугу первого использования термина «революция» в социально-политическом контексте Мишелю Монтеню [6, р. 169], а Артур Хатто и Илан Рахум отдают пальму первенства итальянским историкам XV–XVII вв. [7, р. 502–503; 8, р. 191, 206]. В целом, исследователи довольно часто пытаются ответить на вопрос, когда и где «революция» стала обозначать радикальные социальные и политические изменения, однако вопрос, почему именно это слово было выбрано для обозначения одного из ключевых процессов модернизации, практически не ставится.

На наш взгляд, некоторый свет на проблему становления современного социально-политического понятия «революции» может пролить сравнение различных семантических контекстов его употребления на протяжении определенного периода времени. Уни-

кальную возможность для подобного рода исследования представляют дошедшие до нас два варианта перевода с латинского на английский эпохального сочинения Уильяма Кемдена «Британия», выполненные, соответственно, в начале и конце XVII столетия. Подобный анализ позволит осветить сразу несколько важных проблем: характер использования слова «revolution» переводчиком для передачи определенных идей и понятий в английском языке, соотношение этого характера с исходным латинским словоупотреблением и изменение способов перевода различных концептов одного и того же латинского текста от начала к концу XVII столетия. Все это позволит не только осветить эволюцию круга семантических значений слова, но и показать, почему именно оно приобретает черты современного толкования понятия «революция».

Слово революция – «revolution» – пришло в английский язык из латыни. Однако латынь даже в средние века ни в коем случае не была мертвым языком. Одним из проявлений развития средневековой латыни стало появление и распространение слова «revolutio», неизвестного языческой античности. Впервые оно появляется в раннехристианской литературе и обозначает «откатывание» камня от гроба Христа [9, с. 544–545; 10, с. 881]. Позднее это слово используется в значении «преобразование», «оборот», в том числе в отношении течения времени и движения астрономических объектов [9, с. 544]. Ранние случаи его употребления в средневековой латыни, в том виде, в каком она была распространена на Британских островах, в смысле обращения небесных тел, относятся уже к концу XI столетия. В XII веке оно используется для обозначения переворачивания страниц в книгах, а с XIII употребляется в многочисленных значениях течения времени [11, р. 408].

Драматические события середины XIV столетия повсюду в Европе нашли свое отражение в более тесной увязке концепции времени и судьбы. Достаточно ясное свидетельство этого можно увидеть в труде Джованни Боккаччо 1360-х гг. «De casibus virorum illustrium» («О несчастьях знаменитых людей»), связывающего идею движения времени, выражаемую понятием «revolutio», с идеей судьбы, нашедшей свое воплощение в антикизирующем понятии «Fortuna» [12, р. 18, 34, 66, 144]. Обращает на себя внимание частое соединение Боккаччо понятий «revolutio» и «Fortuna» (с большой буквы), как, например, в описании истории Сарданапала, чья «изнеженная жизнь» привела к «отвращению Фортуны» («revolutionem Fortune») и «искоренению» по ее прихоти стабильного и древнего царства [12, р. 144]. Аналогичное сочетание этих двух слов можно найти и в изложении истории Приама и Гекубы: «insigne toto orbi revolutionum Fortune spectaculum fuerunt» – «знак отвращения Фортуны стал зрелищем для всего мира» [12, р. 66].

Довольно скоро сочинение Боккаччо было переведено на французский, а с французского и на английский язык. Перевод английского монаха Джона Лидгейта, выполненный в период 1431–1439 гг. [13, р. IX–X], является вольным поэтическим переложением историй Боккаччо, но также довольно часто использующим слово «revolution» в сходных, хотя и самостоятельных контекстах. В отличие от Боккаччо, Лидгейт чаще использует слово «reoluciuon» для обозначения астрономических явлений («reoluciuon

off the heuenli speeris» [оригинальная орфография сохранилась. – А.Ж.] – «обращение небесных сфер» [14, р. 40]) или временных промежутков («eueri thre ueer bi reoluciuon» – «повторяясь каждые три года» [14, р. 70]), хотя встречаются его употребление также в связи с «обманчивой» деятельностью Фортуны («worldli reoluciuons» [14, р. 127]) или ее коварством («the reoluciuons off Fortunys double puruei-aunce» [14, р. 324]).

Труд Лидгейта свидетельствует, по-видимому, о вполне автономном существовании слова «революция» в английском языке уже в XIV в., причем в большинстве случаев контексты его употребления останутся примерно теми же самыми вплоть до первой половины XVII в. Выход в 1543 г. сочинения Николая Коперника «Об обращении небесных тел» – «De revolutionibus orbium celestium» – способствовал, с одной стороны, большей популяризации слова, а с другой – возрождению его непосредственной ассоциации с астрономической тематикой. О тесном знакомстве с трудом Коперника на Британских островах свидетельствует большое количество копий первых изданий его работы. До сих пор в библиотеках только Кембриджа и Оксфорда хранятся 12 копий первого нюрнбергского издания. Всего на территории Великобритании в различных публичных и частных коллекциях сохранилось 43 копии первого издания (1543 г.) и 45 – второго издания (1566 г.) «De Revolutionibus» [15, р. 270–278].

Широкое распространение труда Коперника в Англии способствовало складыванию в английском словоупотреблении более тесной связи слова «revolution» с возвышенной, «небесной» сферой в прямом и переносном смысле слова. Английский последователь Коперника Томас Диггс (1546–1595) опубликовал в 1576 г. свое изложение теории польского ученого, в котором, среди прочего, он одним из первых высказался в пользу идеи бесконечной Вселенной [16, р. 69; 17, с. 27]. Свою работу Диггс намеренно написал на английском, чтобы сделать новейшие европейские космологические идеи доступными своим соотечественникам [18, р. 161]. На сочинение Коперника Диггс прямо ссылается как на «Революции» («Copernicus Revolutions»), а само слово становится ключевым для описания устройства Космоса и его связи с миром человека: «Время, которым руководствуемся мы, обитатели Земли, задается обращениями (revolutions) Земли: круговое обращение (circulation) вокруг центра дает год, вращение (conversion) ее поверхности – день, а обращение (revolution) луны производит месяц» [19; 16, р. 87]. Описывая обращение других планет вокруг Солнца, Диггс подбирает многочисленные синонимы к слову «revolution» – «conversion», «circulation», «period», «circuit», а также «circular period» и «circular race» [19; 16, р. 78, 87]. Вселенная Диггса, однако, сохраняет тесную связь с религиозной космологией. Как отмечает Александр Койре, Томас Диггс склонен размещать небесные тела «не на небе астрономов, а на небе теологов» [17, с. 30]. В центре располагается Солнце, так как, по мысли Диггса, «в столь великолепном храме» никто не мог бы захотеть разместить «свой светильник в лучшем или более подходящем месте, чем это». «Подобно королю, восседающему на троне», Солнце управляет своим двором, состоящим из «нижестоящих властей». Луна, в свою очередь, находится в услужении у Земли. Обрамляющая планеты небесная

сфера представляет собой «дворец блаженства... двор небесных ангелов, не ведающих печали... обитель избранных» [19; 16, р. 87, 78]. Несмотря на утрату Землей центрального положения, Вселенная конца XVI в. не стала менее антропоморфной. Скорее даже наоборот, она приблизилась по форме ко двору абсолютного монарха, где придворные (планеты), находясь в зависимом положении от расположенного в центре «видимого бога» – Солнца, а их обращение – «revolution» – вокруг него и составляет их придворную службу.

К концу XVI – началу XVII столетия слово «революция» уже довольно широко употреблялось в английском языке, особенно в поэтической речи, и было хорошо знакомо и понятно читающей публике. До событий 1640-х гг. оно практически исключительно применяется к обозначению движения небесных сфер и связанной с этим движением временной тематикой. Тем не менее важное место, занимаемое им в обновленной картине мира, узаконивало его метафорическое использование для описания социальных явлений. Кроме того, уже к этому времени можно заметить тенденцию, сохранившуюся и до настоящего времени, – использовать слово «revolution» при переводе иностранных текстов, даже в тех случаях, когда в оригинале не используется аналогичное однокоренное слово латинского происхождения. Подобная предрасположенность отмечается и в исследованиях становления понятия «революция» [1, с. 87–88]. Данная тенденция нашла свое яркое отражение также в двух переводах на английский язык «Британии» Уильяма Кемдена, выполненных в начале и конце XVII столетия.

Уильям Кемден (1551–1623) – английский историк и географ, один из лидеров так называемого «антикварного» движения второй половины XVI – начала XVII вв., публикация сочинений которого составила эпоху в развитии исторического знания в Англии. Самое известное его сочинение – «Британия» – жанр которого сам автор определил как «хорографическое» (то есть историко-топографическое) описание британских островов, главной задачей которого было вписать английскую историю в мировую и показать универсальную значимость происходивших здесь событий. «Британия» Кемдена должна была продемонстрировать «древность» английской истории, а также обеспечить ей достойное место среди других «античных» историй европейских народов. Впервые опубликованная в 1586 г. на латинском языке, «Британия» выдержала еще шесть изданий только в годы жизни автора [20, р. 36]. Работа Кемдена, кроме того, стала важным этапом в легитимации использования имени «самого известного острова в мире» [21, р. 1] для обозначения не только географического, но и политического единства. Весьма вероятно, что именно ученик и соратник Кемдена Роберт Коттон предложил Якову I принять титул «короля Великобритании» [22, р. 298]. Латинское издание «Британии» 1607 г. выходит уже с посвящением «светлейшему и могущественнейшему государю Якову, королю Великобритании (Britanniae Magnae), Франции и Ирландии, защитнику веры, для обеспечения вечности британского имени и империи рожденного...» [21]. «Британия» Уильяма Кемдена предоставляла таким образом важное идеологическое обоснование для нового геополитического проекта, в связи с чем возникла потребность сделать

знакомство с содержанием этого сочинения более доступным для широких слоев подданных нового короля. Филемон Холланд (1552–1637), бывший к тому времени автором целого ряда переводов античных авторов на английский, создает и перевод «Британии», который выходит в печати в 1610 г. По мнению ряда исследователей, Кемден помогал Холланду в подготовке перевода 1610 г. и даже добавил в него ряд новых фрагментов [23, р. 415]. Английской читающей публикой выход англоязычной версии «Британии» был встречен с большим одобрением. По словам одного современного поэта «то, что Кемден открыл только образованным / Холланд поведал всей стране» («Camden unto the learned did discover / What Holland to the Whol-land doth recite») [22, р. 286]. По ряду свидетельств, сам автор был не очень доволен результатом работы переводчика, указывая на латинский оригинал как на единственную авторизованную версию «Британии». Другие критики отмечали определенные неточности перевода, добавление нового материала, не принадлежавшего перу Кемдена, и слишком вольный стиль, существенно отступающий от академизма оригинального латинского текста [22, р. 289–291]. Сам Холланд, однако, в языке, приближенном к разговорному, видел одно из главных достоинств своей работы, поскольку считал популяризацию антикварного знания об историческом прошлом острова главной задачей, стоявшей перед переводчиком «Британии». Автор перевода сознательно стремился избегать «выспренних фраз» («affected phrase») в пользу «простого и доходчивого стиля» («meane and popular style») понятного большинству населения страны [22, р. 292]. Переводческая традиция Англии конца XVI – начала XVII вв. в принципе допускала достаточно вольное обращение с исходным текстом и даже предполагала некоторую его «доработку» [24, с. 176]. Именно в этом кроется и основная ценность работы Холланда с точки зрения предмета данного исследования, поскольку его автор стремился задействовать разговорную лексику и имевшие широкое хождение идиомы, по его собственному выражению, «доступные для понимания подлейшего шута» («familiar to the basest clowne»). Принимая во внимание данную особенность перевода, можно прийти к выводу, что слово «революция» уже в начале XVII столетия было хорошо знакомо и понятно широким кругам читающей публики в Англии и могло быть задействовано для передачи целого круга разнообразных концепций, связанных с течением времени, движением небесных тел и их связи с «секулярной», мирской жизнью через своеобразное отождествление и аналогии, проводимые между двумя этими сферами.

В латинском оригинале Кемдена слово «революция» встречается лишь единожды во множественном числе в классическом для словоупотребления XVI века контексте – «tot labentium seculorum revolutionibus» – «по прошествии стольких столетий» [21, р. 3]. Холланд, естественно, использовал слово «revolutions» для перевода этого пассажа – «after so many revolutions of ages and time», где «революция» связана с обозначением циклического прохождения временных периодов [25, р. 4]. Однако, Холланд предпочитает использовать слово «revolution» и там, где в оригинальном тексте использованы синонимичные выражения. Например, о прошествии многих лет Кемден сетует и в разделе о древних британских

монетах, используя оборот «tot iam transacta secula» («по совершении уже стольких столетий») [21, p. 70]. Этот фрагмент Холланд переводит как «the revolution of so many ages past», снова возвращаясь к представлению о «революции» как циклическом обращении времени и используя это слово уже в единственном числе [25, p. 97]. Во временном контексте к этому слову Холланд также прибегнет, говоря об «обращении времени» («revolution of time») в связи с переходом по наследству имущественных прав [25, p. 473]. Латинский оригинал здесь также обходится без упоминания революции, употребляя оборот – «temporis vicissitudine» («со сменой времени») [21, p. 347]. Слово «революция» используется и для обозначения десятилетних периодов в пожеланиях благополучия римским императорам – «revolutions of ten years» [25, p. 105], – тогда как латинский вариант ограничивается лишь лаконичным «decenniis» – «по истечении десятилетий» [21, p. 75].

Обращает на себя внимание, что дважды Холланд прибегает к помощи слова «революция» для обозначения окончания эпохи древних царств. Один раз, говоря о завершении двухсотпятидесятилетнего периода в связи с упадком древних англо-саксонских королевств («the full period, within the revolution of 250 years») [25, p. 614]. Латинский оригинал повествует здесь просто о «завершении периода 250 лет» («verum huius periodo annis CCL confecta») [21, p. 465]. Второй раз, говоря о захвате норманнами саксонской Англии: «В этот момент в Британии пришел конец Англо-саксонской империи, продлившейся 607 лет, и Английское королевство претерпело значительные изменения» («Now was the period and revolution of the English-Saxon Empire in Britaine come about, which was determined within the compasse of 607 yeeres, and notable alteration and change made in the Kingdom of England...») [25, p. 152]. Дословный перевод этого фрагмента звучал бы так: «совершилась революция Англо-саксонской империи в Британии». В латинском варианте говорится лишь о «завершении периода Саксонской империи в Британии» («Iam confecta erat Saxonici in Britania periodus») без какого-либо упоминания «революции» [21, p. 108]. Отметим тавтологичность словоупотребления – вместо одного латинского слова (periodus), Холланд употребляет два английских, хотя очевидно, что английского «period» было бы достаточно для передачи идеи окончания эпохи англо-саксонского владычества, особенно, если мы вспомним, что Томас Диггс использовал его как прямой синоним «revolution» для обозначения обращения планет вокруг Солнца. Тем не менее, Холланд считает уместным расширить семантику слова «период», за счет добавления к нему синонима, несущего больший космологический смысл. По всей видимости, понятие революции служит здесь Холланду с одной стороны для связи временных изменений с политическими и для описания преходящей судьбы земных монархий, а с другой для эмфатического усиления звучания текста. Оба эти фрагмента напрямую увязывают идею революции с представлением о завершении исторического периода, смены правителей и правительств.

Дважды употребление слова «революция» отсылает к более широкому кругу мировоззренческо-философских взглядов на историю и положение человека в мире. Идея «революции» здесь используется для подчеркивания циклического характера исто-

рических процессов, повторяемости судеб земных империй и их неизбежного краха. История Англии к тому же давала этому наглядное историческое подтверждение: «Называясь теперь Англией, государство (the state) и могущество (puissance) этих англо-в достигли высшей точки и поэтому (такова судьба всех смертных вещей («the revolution of all mortall things»)) поспешили к своему концу («their period and end») [25, p. 139]. В этом фрагменте мы не только встречаем одно из ранних употреблений слова «state» в прямом значении «государства», да еще и в связке со словом «puissance» – власть, могущество, – но и видим, что понятие «революции» здесь приобретает отчетливые очертания идеи судьбы, подразумеваемая неизбежность, предписанную высшими законами движения вселенной. Подобно тому как в небесном плане революция руководит движением планет, в плане земном она превращается в судьбу, форту, управляющую жизнью смертных. Латинский вариант также обращается к идее цикличности, но используя более привычный оборот – «ut circulos est mortallium» – «таков круг смертных» [21, p. 99]. Мы видим здесь, что динамично развивающийся английский язык находит новые лингвистические обороты для выражения традиционных мировоззренческих представлений. Если в XIV–XV вв. у Боккаччо и Лидгейта слово «революция» часто соседствовало со словом «Фортуна», хотя оба слова выражали при этом различные понятия, то теперь понятие «революции» уже включает идею судьбы в круг своих семантических значений. «Революция», таким образом, отождествляется с фортуной, циклическим движением человеческой истории, управляемой высшими божественными законами. Помимо этого, здесь проступают и отчетливые черты предопределенности, неизбежности краха даже на вершине земного могущества, что отсылает уже к традиционной христианской идее преходящего характера любых земных достижений.

Историческую картину заселения британских островов Кемден заканчивает пространной цитатой из Сенеки, при переводе которой Холланд в очередной раз не может удержаться от использования слова «революция»: «Очевидно, что ничто не остается на том же месте, в котором оно началось. Человечество движется ежедневно в различных направлениях: те или иные перемены случаются ежедневно в великом обращении [революции] мира («some change or other there is every day in so great a revolution of this world»). Основываются новые города, возникают новые названия стран, в то время как старые выходят из обращения или изменяются с приходом более могущественного народа» [25, p. 154]. Однако происходит это не само собой, история человечества управляется волей божественного провидения. Иноземные вторжения и смена народностей – это лишь один из инструментов вмешательства свыше: «Бог часто насылает напасти с неба на людей, подобные молниям, огню и буревым потокам; либо с земли, разверзая землю и устраивая землетрясения; либо же с воздуха – смерчи и необычайные бури. Так и эти напасти Севера и Гипербореи Господь держит в запасе, для того чтобы наслать их в виде наказания на тех и тогда, когда это угодно Ему в его божественном провидении» [25, p. 154]. Идея обращения мира – «революции» – оказывается таким образом встроенной в общую модель Вселенной, управляемой свы-

ше. Это один из инструментов божественного промысла, независимый от воли человеческих существ. Тем не менее, в этом контексте идея революции носит не только циклический характер, но и приобретает способность переводить из одного состояния в другое, то есть отчетливо связывается с представлением о социально-политических изменениях. Едва ли можно согласиться с Кристофером Хиллом в том, что использование слова «революция» в начале XVII в. отличалось «темпоральной нейтральностью» и обозначало лишь циклическое движение, исключая идею перемен [26, р. 83]. Как раз наоборот, примененное в историческом контексте, слово «революция» отмечает момент изменения в более общем циклическом движении. То, что с большого расстояния, некой небесно-божественной перспективы выглядит как повторяемость циклов, с перспективы земной, секулярной, воспринимается как отчетливое изменение ситуации. Борис Успенский, например, отмечает аналогичное сочетание двух перспектив – земной и небесной, «внутреннего» и «внешнего» наблюдателя – в живописи эпохи Возрождения на примере выстраивания композиции Гентского алтаря Яна ван Эйка [27, с. 15–16]. Слово революция и служит для разрешения этого противоречия, примирения этих двух перспектив. В переводе Британии Уильяма Кемдена Филемоном Холландом мы можем заметить важный этап в трансформации слова «революция» – от обозначения временных циклов к связи идеи цикличности и повторяемости событий во времени с конкретными изменениями, пусть даже и внутри более крупных циклов. Это также переход от обозначения только темпорального движения к обозначению социальных перемен в рамках круга движения времени.

«Британия» в переводе Холланда была опубликована дважды – в 1610 и 1637 гг. К концу XVII в. появилась потребность в новом издании, ради которого решено было осуществить и новый перевод с латыни. В отличие от перевода 1610 года, у перевода 1695 был не один, а целая группа авторов, среди которых были и такие известные личности, как Сэмюэл Пипс и Джон Ивлин [28, р. 113]. Общую редакцию осуществил Эдмунд Гибсон (1669–1748) – английский историк, юрист и священник, занимавший позднее высокие посты в англиканской церкви. Необходимость нового издания Гибсон объяснял как появлением новых фактов и более точной информации, касающихся различных местностей Британии, так и задачей отделения оригинального текста Кемдена от вставок, сделанных Холландом. Подобный подход должен был обезопасить авторитет Кемдена от возможной критики за то, что не принадлежало его перу: «мир должен знать, когда Он [Кемден] рассказывает историю, чтобы соизмерять свое согласие с аргументами автора с доверием, им внушаемым» [29]. Подобный подход требовал принципиально иного отношения к характеру перевода. Если Холланд стремился изложить текст Кемдена языком понятным современному ему читателю, то Гибсон свою задачу видел в том, чтобы английский вариант максимально точно соответствовал латинскому оригиналу: «насколько позволят различные идиомы двух языков». Это не отменяло, однако, задачи сохранения «простоты и естественности» также и в новом переводе [29]. Более того, как следует из посвящения Лорду-хранителю печати Джону Коммерсу, в новом издании «Британия»

должна была предстать облаченной в платье из «настоящего родного английского языка» («true Native English»), очищенного от модных «заимствований», а звание к примерам Ришелье и Кольбера выдает амбиции создания текста, претендующего на определенную нормативность [29]. Тенденция к упорядочиванию правил использования английского языка действительно отмечается исследователями применительно ко второй половине XVII века [30, р. 94–95], и это, в свою очередь, могло послужить одним из побудительных мотивов создания нового перевода знаменитого текста. То, что Гибсон считался «ярким сторонником вигов» [22, р. 299], несомненно, наложило свой отпечаток на модальность перевода, но уже в политической плоскости.

Существенное изменение методологии перевода не привело, однако, к отказу от использования слова «революция». В ряде случаев новый вариант сохраняет его для перевода тех же фрагментов, в которых оно использовано у Холланда. Естественно, словом «революция» переводится единственное «revolutionibus», появляющееся в латинском оригинале Кемдена [29, р. iii–iv]. Сохраняется оно и для перевода «ut circulus est mortallium». Однако, если Холланд использует здесь выражение «обращение [революция] всех смертных вещей» («the revolution of all mortall things»), то новый перевод значительно упрощает смысл высказывания, говоря об «общем обращении [революции] вещей» («the common revolution of things») [29, р. cxxxiii–cxxxiiiv]. Подобное «обмирщение» довольно знаменательно, поскольку свидетельствует и о секуляризации идеи революционного обращения, первоначально функционировавшей в широком религиозно-мировоззренческом контексте, который теперь отступает на второй план, указывая на уже устоявшееся и общепринятое словоупотребление. Понятие «революция» продолжает использоваться там, где уже нет нужды указывать на анахроническую дихотомию между земным и небесным.

Новый перевод 1695 года добавляет также новые и более современные случаи использования слова «революция». Говоря о Нормандском завоевании, Кемден использует оборот «великое преобразование Британской империи» («maximam Britannici imperii conversionem») [21, р. 104]. Холланд переводит этот фрагмент, используя фразу «great alteration of the English state» («великое изменение Английского государства») [25, р. 145], а в переводе 1695 года говорится уже о «значительной революции Британского государства»: «so considerable a revolution of the British State» [29, р. clv–clvi]. Тем самым подчеркивается новая семантика слова «революция», которое все больше связывается с идеей общественно-политических изменений. Однако обращает на себя внимание использование традиционного родительного, а не предложного падежа – «революция государства», а не «революция в государстве». Но издание 1695 года привносит определенные новшества и в модальность употребления слова «революция». В уже рассмотренном эпизоде, где говорится о завершении эпохи англосаксонского владычества, новый перевод меняет акценты, более точно переводя этот латинский фрагмент: «This was the period of the Saxon government in Britain», – но перенося идею революции в следующее предложение. Там, где Холланд повествует только о «значительном изменении» («notable alteration and change»), в конце века говорится уже о

«революции, которая произошла в королевстве» («The revolution that hapned in the Kingdom») [29, p. clxi–clxii]. Это уже решительно модернизированное словоупотребление, говорящее о «революции в королевстве», а не «революции королевства», как это обычно бывало на протяжении большей части XVII столетия. Идея революции здесь, кроме того, связывается не с завершением периода или эпохи, как в переводе Холланда, а с изменением как правительства и состава управляющих, так и формы правления, что становится очевидным из последующего описания перемен, привнесенных Вильгельмом Завоевателем: «В результате своей победы Вильгельм отказался от большей части английских законов, привнес норманнские обычаи и приказал ввести судопроизводство на французском языке. Англичане были лишены своих наследственных поместий, а земли и фермы разделены между его солдатами, но с условием, что Вильгельм все равно останется непосредственным владельцем, а они будут приносить ему и его наследникам клятву верности ... так что король будет единственным Господином, а они держателями феодалов (Feudatory Lords and in actual possession)» [29, p. clxi–clxii]. Преобразования Вильгельма Завоевателя привели к значительным политическим и социальным изменениям в Английском королевстве, и это, по мысли переводчика, вполне может быть описано словом «революция». Очевидно, мы сталкиваемся здесь с интерполяцией нового значения, приданного этому слову событиями 1688–1689 гг., на схожие по смыслу события исторического прошлого. Однако маловероятно, что трансформация, вызванная Нормандским завоеванием, могла быть положительно оценена английским общественным мнением конца XVII века. Как раз напротив, приглашение уже другого Вильгельма – Оранского – во многом было вызвано стремлением не допустить повторения масштабного передела земельной собственности. Тем не менее автор перевода проводит очевидную аналогию между нормандским и голландским завоеванием в том смысле, что произошедшие в обоих случаях события подходят под описание термином «революция». Обозначение прецедентов в историческом прошлом означало, в том числе, и дополнительные аргументы в пользу легитимности революционных преобразований 1688–1689 гг.

Издание 1695 года включило и новый материал, касающийся событий, произошедших в XVII в., который был написан разными авторами уже после Революции 1688 г. Здесь можно отметить еще одно новшество в употреблении слова «революция» – различие между «Revolution» как именем собственным, обозначающим конкретные события свержения Якова II и воцарения Вильгельма Оранского и «revolution» для всех других случаев. События 1688–1689 гг. обозначаются как «the Revolution» или «the late Revolution» («недавняя Революция»), то есть всегда с определенным артиклем и с заглавной буквы [29, p. 101–102, 745–746]. При этом новые фрагменты также используют и вполне традиционное употребление слова «революция» для обозначения движения времени: «the revolution... of fifty or sixty years», «revolution of time» и т.д. [29, p. 615–616, 683–684].

Анализ двух вариантов перевода с латинского на английский «Британии» Уильяма Кемдена позволяет сделать несколько интересных выводов об использо-

вании слова «революция» в английском языке XVII столетия. Во-первых, оно уже совершенно оторвано от породившей его латыни: контексты его употребления совершенно самостоятельны и вовсе не являются дословным переводом латинского текста. Во-вторых, оно занимает особое и существенно более важное место в англоязычном мировоззрении, описывая целый круг «космологических» понятий, увязывающих воедино сакральное и секулярное движение мира. «Органическая» модель Вселенной, которая, по мнению М.А. Барга, окончательно сменится механической только в начале XVIII в. [31, с. 220], дает о себе знать и в Англии начала XVII столетия. Между «небом» и «землей» существует непосредственная символическая связь, взаимно регулирующая происходящие в них процессы. Слово «революция», таким образом, является одним из важных связующих звеньев между двумя этими сферами. В-третьих, на протяжении столетия происходит существенная секуляризация этого понятия. По словам Пьера Шоню, «революция спускается с небес на землю» в середине XVII в. в Англии, где и приобретает значение, близкое к современному [4, p. 75]. По мнению же Кристофера Хилла, XVII век стал столетием кардинального перелома для Англии не только потому, что это «век революции», но и потому, что в это время происходят тектонические сдвиги в мировоззрении английского общества, радикально модернизирующие традиционные феодальные установки и меняющие содержательное наполнение многих традиционных понятий [32, p. 3–4]. Это в полной мере относится и к слову «революция». При сравнении двух переводов можно заметить значительное «обмирщение» и «модернизацию» идеи революции, произошедшие в течение столетия. В-четвертых, понятие, стоящее за словом «революция», проходит эволюцию от обозначения циклических явлений к фиксации изменений. Нельзя сказать, что эта эволюция была завершена к концу века, поскольку и в обозначении самого значительного «революционного» события этого периода – Революции 1688 г. – отчетливо проступают черты более консервативной интерпретации революционного преобразования как возвращения к исходному состоянию. Тем не менее такие новые варианты словоупотребления, как «революция... в королевстве» («revolution... in the Kingdom»), а также более тесная увязка со словом «государство» («revolution of the British State»), которое само находилось в стадии приобретения своего современного значения, свидетельствуют о движении в сторону формирования понятия революции как значительного политического переворота, а также о значительном влиянии на словоупотребление социально-политических трансформаций, произошедших в Англии на протяжении XVII столетия.

Список литературы:

1. Шульц Э.Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия, социология, право. № 24 (245), вып. 38. С. 87–93.
2. Томсинов В.А. Понятие революции в английской политико-правовой идеологии XVII столетия // История государства и права. 2018. № 1. С. 9–12.
3. Goulemot J.-M. Le mot révolution et la formation du concept de révolution politique (fin XVII-e siècle) // Annales historiques de la Révolution française. 1967. № 190. P. 417–444.

4. Chaunu P. Le concept de révolution: conclusion // *Histoire, économie et société*. 1991. 10-e année. № 1. P. 75–76.
5. Bardet J.-P. Autour du concept de Révolution: Jeux de mots et reflets culturels // *Histoire, économie et société*. 1991. 10-e année. № 1. P. 7–16.
6. Snow V.F. The concept of revolution in seventeenth-century England // *The Historical Journal*. 1962. Vol. 5, № 2. P. 167–174.
7. Hatto A. «Revolution»: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term // *Mind*. Oct., 1949. Vol. 58, № 232 (Oct., 1949). P. 495–517.
8. Rachum I. Italian historians and the emergence of the term 'Revolution', 1644–1659 // *History*. 1995. Vol. 80, № 259. P. 191–206.
9. Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Йорг Ф. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufuhr, Bürgerkrieg) // *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 520–728.*
10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
11. Revised Medieval Latin Word List from British and Irish sources / ed. by R.E. Latham. London: Oxford University Press, 1983. 535 p.
12. Boccaccio G. De casibus virorum illustrium // *Tutte le opere di Giovanni Boccaccio / A cura di Giovanni Branca*. Vol. 9. A cura di P.G. Ricci e V. Zaccaria. Milano: Mondadori, 1983. 1132 p.
13. Bergen H. Introductory Note // *Lydgate J. Lydgate's Fall of Princes / ed. by dr. H. Bergen*. London: Published for the Early English Text Society by Humphrey Milford, Oxford University Press, 1924. P. IX–XVII.
14. Lydgate J. Lydgate's Fall of Princes / ed. by dr. H. Bergen. London: Published for the Early English Text Society by Humphrey Milford, Oxford University Press, 1924. 328 p.
15. Gingerich O. The Book Nobody Read. Chasing the Revolutions of Nicolaus Copernicus. New York: Walker & Company, 2004. 306 p.
16. Johnson F.R., Larkey S.V. Thomas Digges, the Copernican system, and the infinity of the Universe in 1576 // *The Huntington Library Bulletin*. Apr. 1934. № 5 (Apr., 1934). P. 69–117.
17. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М.: Логос, 2001. 288 с.
18. Johnson F.R. Astronomical Thought in Renaissance England: a Study of the English Scientific Writings from 1500 to 1645. Baltimore: John Hopkins Press, 1937. 357 p.
19. Digges Th. A Perfit description of the Coelestiall Orbes, according to the most ancient doctrine of the Pythagoreans: lately reuiued by Copernicus and by Geometrical Demonstrations approued // *A prognostication euerlasting of right good effect fruitfully augmented by the author, containing plaine, briefe, pleasant, chosen rules to iudge the weather by the sunne, moone, starres, comets, rainbow, thunder, clowdes...* Published by Leonard Digges Gentleman. Lately corrected and augmented by Thomas Digges his sonne. London: Imprinted by Felix Kyngstone, 1605. 63 p.
20. Piggott S. Ruins in a Landscape: Essays in Antiquarianism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1976. 212 p.
21. Camden W. Britannia, sive florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae et insularum adiacentium ex intima antiquitatem Chorographica descriptio. London: Printed by George Bishop & John Norton, 1607. 860 p.
22. Harris O.D. William Camden, Philemon Holland and the 1610 translation of Britannia // *The Antiquaries Journal*. 2015. Vol. 95. P. 279–303.
23. Herendeen W. William Camden: A life in context. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 550 p.
24. Таузенд К.И. Филологический перевод королевы Елизаветы I как форма аристократического досуга // *Тетради переводчика: научно-теоретический сборник / под ред. И.М. Матюшина. Вып. 28. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 170–178.*
25. Camden W. Britain, or A chorographical description of the most flourishing kingdoms, England, Scotland and Ireland, and lands adjoining, out of the depth of antiquitie beautified with mappes of the several shires of England: written first in Latine by William Camden Clarenceux K. of A. Translated newly into English by Philemon Holland Doctour in Physick: finally, revised, amended, and enlarged with sundry additions by the said author. London: Printed by F.K.R.Y. and I.L. for George Latham, 1637. 822 p.
26. Hill Ch. A Nation of Change and Novelty: Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth Century England. London; New York: Routledge, 1990. 272 p.
27. Успенский Б.А. Гентский алтарь Яна ван Эйка: композиция произведения: божественная и человеческая перспектива. М.: Индрик, 2009. 207 с.
28. Richardson R.C. William Camden and the rediscovery of England // *Transactions of the Leicestershire Archaeological and Historical Society*. 2004. Vol. 78. P. 108–123.
29. Camden W. Camden's Britannia newly translated into English, with large additions and improvements; publish'd by Edmund Gibson. London: Printed by F. Collins, 1695. 1116 p.
30. Williams J.M. Origins of the English language. A social and linguistic history. New York: The Free Press, 1975. 422 p.
31. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
32. Hill Ch. The Century of Revolution. 1603–1714. Hong Kong: Nelsons Ltd., 1980. 296 p.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Журавлев Александр Викторович , кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: a.zhuravlev@g.nsu.ru.	Zhuravlev Aleksandr Viktorovich , candidate of historical sciences, senior lecturer of World History Department; Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: a.zhuravlev@g.nsu.ru.

Для цитирования:

Журавлев А.В. Понятие революции в Англии XVII века и переводы с латыни «Британии» Уильяма Кемдена // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 3. С. 163–169. DOI: 10.55355/snv2023123204.